

ПОЧИН

Правительство Глинских пало, и с его падением закончилась целая полоса политического развития Русского государства, известная под названием «боярское правление». Правители могли бы справиться с кризисом, если бы располагали прочной поддержкой находившихся в столице дворян и посадских верхов. Восстание обнаружило непрочность их власти в обстановке недовольства, охватившего не только низы, но и верхи. Властям пришлось задуматься над тем, как покончить с

дворянским оскудением. Уступки дворянству оказались неизбежны. Обнажившийся социальный антагонизм ошеломил власть имущих, на время ослабил боярские распри и во многом определил характер последующих реформ.

В ходе объединения русских земель власть московских государей чрезвычайно усилилась, но не стала неограниченной. Монарх делил власть с аристократией. «Царь указал, а бояре приговорили» — по этой формуле принимались законы, решались вопросы войны и мира. Через Боярскую думу знать распоряжалась делами в центре. Она контролировала также и все местное управление. Бояре получали в «кормление» крупнейшие города и уезды страны.

Название «кормление» соответствовало действительности: областные управители собирали пошлины в свой карман, то есть в буквальном смысле кормились за счет населения. Система кормлений была одним из самых архаических институтов XVI в.

Боярская аристократия старалась оградить свои привилегии с помощью местнических порядков. В соответствии с этими порядками служебные назначения определялись не пригодностью и опытом человека, а его «отчеством» (знатностью) и положением родни (отца, деда и прочих «сродников»). Местничество разобщало знать на соперничавшие кланы и вместе с тем закрепляло за узким кругом знатнейших семей исключительное право на замещение высших постов.

Знать ревниво оберегала традиции. Но распри и злоупотребления боярских клик в период малолетства Ивана scomпрометировали старый порядок вещей и сделали неизбежной более энергичную перестройку системы управления на новых началах.

Исключительное влияние на развитие монархии в XVI в. оказали перемены в структуре господствующего сословия. Старое боярство периода раздробленности, не расчлененное на чины, уступило место дворянскому служилому сословию. Наименование «бояре» сохранили за собой лишь родовитая аристократия, крупные землевладельцы, входившие в думу.

Великим князьям московским издавна служили как слуги вольные, так и слуги «под дворским», великокняжеские холопы. От слуг «под дворским» произошло название «дворяне». В состав благородного российского дворянства вошли как великокняжеские холопы, так и некоторое число боярских холопов из состава распущенных боярских свит.

Московское правящее боярство сохраняло в своих руках огромные вотчинные богатства, которые и были основой его политического могущества. Совсем в ином положении находилась масса провинциальных детей боярских — мелких землевладельцев, для которых поместье (условное держание) стало основной формой земельного обеспечения. В лице дворян-помещиков монархия приобрела наиболее глубокую и прочную опору.

Перемены ранее всего сказались на войске. Объединения княжеских и боярских дружин уступили место единому поместному ополчению. В рядах дворянского ополчения насчитывалось несколько десятков тысяч средних и мелких землевладельцев.

Значение дворянской прослойки настолько возросло, что с ее требованиями должна была считаться любая боярская группировка, стоявшая у кормила власти. По временам доверенные лица великого князя из числа детей боярских получали думный чин и входили в состав Боярской думы. Однако в целом влияние дворянства на дела управления совершенно не соответствовало его удельному весу. Боярская дума представляла почти исключительно одну только знать. Местнические порядки прочно закрывали дворянам путь к высшим государственным постам. Дворянство не желало мириться с таким положением дел и требовало привести систему управления в соответствие с новыми историческими условиями.

Московское восстание 1547 г. создало благоприятные возможности для выхода дворянства на политическую арену. Именно после восстания впервые прозвучал голос дворянских публицистов, и представителям дворянства был открыт доступ на сословные совещания, или соборы, получившие позже

наименование Земских соборов. Дворянские публицисты выдвинули проекты всестороннего преобразования государственного строя России. Поток преобразовательных идей в конце концов увлек молодого царя.

В формировании мировоззрения Ивана, как полагают, большую роль сыграл митрополит Макарий, «по чину» занявший место наставника царя. Высокообразованный человек, но посредственный писатель, Макарий обладал качеством, которое помогло ему пережить все боярские правительства и в течение 20 лет пользоваться милостями Ивана. Он старался сообразовать свои действия с запросами светской власти и выступал глашатаем «самодержавия». Глава церкви венчал «на царство» Ивана и придал новый блеск сильно потускневшей в годы боярского правления идее «богоизбранности» русских самодержцев. Глава церкви внес большой вклад в разработку идеологии самодержавия, которая была прежде уделом книжников, а затем получила практическое осуществление в деяниях Грозного.

Коронация Ивана IV положила начало церковной реформе. С возникновением православного царства появилась необходимость в едином пантеоне русских святых. 1 февраля 1547 г. в столице собрался Священный собор, рассмотревший вопрос о канонизации подвижников. В период раздробленности церковь внутри каждого княжества развивалась своими путями. У каждой земли явились свои чудотворцы.

Собор не причислил к лику святых ни одного из московских князей — прямых предков царя. Зато этой чести удостоился их злейший враг — князь Михаил Тверской, убитый в Орде вследствие происков московского князя. В списки новых святых попало имя Александра Невского, но нет имени Дмитрия Донского, победившего неверных на поле Куликовом. Канонизирован был новгородский князь Всеволод Мстиславич, почитавшийся местным святым во Пскове.

Объяснялось все это тем, что увлечение религией пришло к царю Ивану IV позже, и он, по-видимому, не оказал влияния на решения собора.

Инициатор реформы Макарий провел в Новгороде много лет и сжился с местными святыми. Поэтому среди новых общерусских чудотворцев решительно преобладали новгородские подвижники.

Благодаря реформе русская церковь обрела больше святых, чем имела за все пять веков своего существования. Церковная реформа призвана была возвеличить значение национальной церкви и доказать, что солнце «благочестия», померкшее в Древнем Риме и Царьграде, с новой силой засияло в Москве — «третьем Риме».

Деятельность Макария оказала воздействие на устремления Ивана. Но влияние митрополита не стало исключительным.

С первых шагов самостоятельного правления Иван не мог обойтись без советов своих приказных людей. Они принадлежали к самой образованной части тогдашнего общества. Среди этих людей выделялся дьяк Иван Висковатый. Преобразованный им Посольский приказ стал одним из главных центральных ведомств страны. Редкие дарования Висковатого как бы запечатлелись в созданном им учреждении. Выходец из «худородной» семьи, Висковатый начал со службы в подьячих и достиг со временем высших постов в бюрократической иерархии. Иностранцы называли его канцлером.

Главным любимцем Ивана стал все же не Иван Висковатый, а Алексей Адашев-Ольгов.

Адашевы не принадлежали к знати. Никто из них не попал в 1550 г. в «тысячу лучших слуг», и только двое Ольговых значились в списках Государева двора по Костроме. Все прочие Ольговы служили в уездных дворянах и принадлежали к весьма заурядному провинциальному роду. Вспоминая о возвышении Адашева, царь Иван после смерти бывшего любимца писал, что тот в «юности нашей» «не вем каким обычаем из батожников водворишася» при царском дворе, «так, взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямая службы». В действительности А.Ф. Адашев попал ко двору благодаря успешной и длительной службе отца. Василий III упо-

мянул в 1533 г. о посылке в Казань «ближнево своего человека Федора Одашова сына Олгова». В 1538–1539 гг. Адашев-старший ездил во главе русского посольства к турецкому султану; миссия закончилась успехом, за что он был пожалован в Москве. Алексей Адашев из-за болезни вернулся в Россию годом позднее и тогда же был представлен великому князю. Признание Адашеву принесли, впрочем, не придворные успехи, а общественная деятельность.

С детства Иван проникся недоверием к окружающей его знати. Когда он подрос, его недоверие по временам прорывалось наружу. Алексей Адашев разительно отличался от сверстников, окружавших государя. Он был старше Ивана и успел посмотреть мир.

Великий князь выделил Алексея в толпе придворных до коронации и пожара. На свадьбе Ивана с Анастасией Романовой Адашев оказался в числе близких лиц. В бане с женихом мылись молодые придворные Юрий Глинский, Иван Мстиславский, Никита Романов, а вместе с ними Адашев. Двое первых были ближайшими родственниками царя. В самом ли деле Адашев был приглашен на свадьбу вследствие дружбы с монархом? Это сомнительно. По традиции на свадебный пир собиралась родня. Жена Адашева Анастасия происходила из рода дворян Сатиных. Видимо, Сатины были в родстве с Долматом Романовым, братом царицы. На помин души умершего в молодости Долмата дал вклад в Троицу сначала Алексей Адашев (1545), а потом Данила Романов (1547). На царской свадьбе Сатины стлали постель новобрачным, как видно, в силу родства с Романовой.

Можно предположить, что первыми шагами своей карьеры Адашев был обязан скорее всего родству с Романовыми-Захарьиными.

В 1547 г. боярство получили Иван Михайлович Юрьев-Захарьин, Григорий Юрьев-Захарьин, а окольными стали Данила Романов-Юрьев и Федор Григорьевич Адашев. Род Адашевых-Ольговых никогда не входил в думу, но для отца Алексея Адашева было сделано исключение.

Захарыны возглавили Большой и Тверской дворцы, а Федор Адашев — Угличский дворец, что было весьма высоким назначением.

В сентябре 1547 г. Иван поручил Адашеву отвезти в Троице-Сергиев монастырь 7000 рублей. Никогда ни один из русских монастырей не получал такого богатого вклада. Для сравнения отметим, что Василий III «дал в Троицу по отце» 60 рублей. На помин души самого Василия III прислано было 500 рублей.

Для пожертвования у царя попросту не было особых поводов. Как же мог Казенный приказ выделить ему неслыханно большую сумму, при том что казна, как всегда, была пуста? Откуда взялись деньги?

Осенью 1546 г. Иван неожиданно проявил большой интерес к Новгороду Великому. 15 сентября он покинул столицу и уехал на богомолье, а затем — в Новгород и Псков. В Москву он вернулся только 12 декабря. Пять дней спустя состоялось решение о коронации Ивана. Приготовления к торжественному акту требовали присутствия государя в столице. Но 28 декабря великий князь вновь объявился в Новгороде. Как видно, у него были какие-то неотложные дела.

Первое путешествие было мирным, во второй раз монарх прибыл с войском. (По данным новгородской летописи, князя сопровождали 4000 воинов, что, конечно, было большим преувеличением.) Очевидно, государь ждал сопротивления. Когда воинство прибыло в Новгород, все разъяснилось. Государь приказал схватить главного ключаря, а также и пономаря новгородского Софийского дома и подверг их мучительным пыткам. Очевидно, еще во время первого богомолья Иван узнал о том, что в стенах Софии в Новгороде замурована богатая сокровищница. Ключарь уверял, что ничего не знает. Но среди новгородцев все же нашелся человек, выдавший тайну.

Иван поднялся по лестнице, ведущей на хоры. Тут он велел ломать стену, и «просыпая велие сокровище, древние слитки в гривну, и в полтину, и в рубль, и насыпав возы и посла к Москве».

Летописец полагал, что в Софии хранилась сокровищница Владимира Великого. Но собор был построен много десятилетий спустя после смерти Владимира Святославича. Наличие рублей позволяет датировать клад временем Новгородской республики. Архиепископскую казну копили на протяжении столетий. Владыке удалось утаить ее от Ивана III, когда тот завоевал город.

Присвоение софийского клада поставило государя лицом к лицу с морально-религиозными проблемами. Казна была полной и неотъемлемой собственностью церкви. Покушение на церковное имущество считалось страшным святотатством. Бывший новгородский архиепископ Макарий никак не мог одобрить «грабление чужого имения», тем более ограбления новгородского Софийского дома.

Решение затянулось на много месяцев. И лишь в сентябре Иван, по-видимому, вернул церкви часть клада. Правда, деньги получили не новгородцы, а Троице-Сергиев монастырь. Вклад не имел адреса, а доставил его в монастырь любимец государя Адашев. Поскольку сокровища были привезены из Новгорода возами, можно заключить, что иноки получили лишь частицу присвоенного самодержцем богатства.

Царский вклад был признаком важных перемен в устроении молодого монарха. Прежние богомолья отнюдь не были свидетельством благочестия подростка. Теперь Иван впервые задумался об ответственности за свои поступки, о Страшном Суде и спасении души.